Выходитъ що пятни- цы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣ- стци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъ ся въ бюрѣ дирек- ціи книгопечатной Института Ставро- пигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 22. Львовъ, 24 Мая 1856. РОКЪ IX.

ПОГОНЯ.

I.

Свѣтился замокъ колись тамъ у Бродахъ
И крѣпость замку велика,
Ходилъ по мурахъ и крѣпостныхъ сводахъ,
Потоцкій замку владыка.
Въ жупанахъ долгихъ зъ богатои кожи
Стары воеводы хоробры велможи,
Съ Потоцкимъ разомъ ходили,
Смотрѣли на крѣпостны силы.

„Бачте на крѣпость на муры твердыи
„Нехай ворожа обсѣда,
„Нехай стребуетъ, порожны надѣи
„О нихъ розбьется побѣда!"
А всѣ вельможи сынове „вяруса"
Явши за корды скручаючи уса
Скрикли: „порожна обсѣда,
„О нехъ розбьется побѣда."

Думно споглянетъ по собѣ Потоцкій
И явши за поясъ рукою,
Подкасалъ гордо жупанъ воеводскій
Та скинулъ гордо главою.
„Се мое дѣло сья крѣпость избранна,
„Тутъ поскипаесь чело бисурмана
„И вѣнцы лавровы потрутся,
„Нехай поганцы дерзнутся!"

А побочь него стоялъ си юноша
Конюшій же звался Богданкомъ,
Его хоробрость, постава хороша
Сдѣлали го панскимъ коханкомъ.
Коли сведены крѣпостны силы
Всѣ одногласно здивляли, хвалили,
Онъ молчкомъ стоалъ си на боцѣ
Огонь искрился му въ оцѣ.

„Правда конюшій? сьи крѣпостны силы
„Будутъ во вѣки стояли,
„И тучныбъ громы ихъ не розбили
„Не що бы люди забрали." —
„И чожь омолкъ есь — не маешь ли слова?
„Якъ тобѣ мнится сья крѣпость замкова,
„Чи такабъ сила доспѣла
„Щобы стоптала сьи дѣла?"

Дерзко хоробрый юноша дивится
Въ искрячи очи вельможа
За криву саблю рукою держится
А лица му стали якъ рожа.
„Ясне вельможный воеводскій пане!
„Каждое дѣло хотьбы якъ избранне
„Що мирски руки свершаютъ
„И розвалити здолаютъ."

Буйно завѣялъ вѣтеръ дороговь
Пѣсокъ сметаючи въ хмару, —
Молодъ конюшій правдовь такъ строговь
Роздражнилъ гордость до яру.
Бодро онъ въ рати смирилъ бисурмана,
Но така дерзость сопротивь пана
Нечесть на ляцки-вельможи
Острѣйша нежь сабли ворожи.

Тупнулъ Потоцкій о камень ногою,
Лихій отъ простой нехвалы,
Наморщилъ брови и ялся за зброю
Въ очахъ тъ молньи сверкали.
А всѣ хоробры старыи вельможи
Въ жупанахъ долгихъ зъ богатои кожи
Що правду вповѣсти не смѣли
Съ презрѣньемъ въ юноша смотрѣли.

И тихо вчинилось, злость воеводы
Скипѣла окропомъ въ внутревѣ

„Се проста поруга на крѣпостны своды!
„Пожди! сгадалъ онъ, ще ныпѣ.
„Скотится лобъ твой о мои стопы
„Неусмиримый угорный хлопе!
И всѣ такъ стали думати
Сойшли, вернулись въ палаты.''

(к. с.)

ѸТРО И ДЕНЬ.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженіе).

Ганѕсю! Ганѕсю! ꙗкажь сѹдьба ожидаетъ та? Воистинно! не весела. — Вотъ стоитъ за воротами заботлива тоска, ополченна бѣдствіемъ и прескорбіемъ, и только въ мрачной долѣ блеститъ золотое крылье надѣи; во щожь? блаженный отецъ не лишилъ кромѣ той хижины и прилежащого поля почти ніѧкого имѹщества, . . . все поглотилъ огонь ненасытимый! Но ѹспокойсѧ! Кромѣ невидимого Ангела хранителѧ имѣешь земного хранителѧ: твоего благорозѹмного стрыѧ, который ꙗкъ вторый отецъ твоею сѹдьбою печалитись бѹдетъ. И ꙗкъ онъ тебе своею непоколебимою твердостью защищати, ꙗкою нѣжностію твою жизнь плекати бѹдетъ?! Онъ-то бѹдетъ бѹдети, дабы и тѣнь лихой доли тебе не заслонила.

„Но любое дитѧ," проговорикалъ весело Борисъ, „ꙗкъ ꙗ вижѹ, ты чогось глѹбоко задѹмалась. Та по що? Гей! Гей! мой милый Боже! гдежь можна въ молодомъ хорошомъ вѣкѹ задѹмчивою быти: Вотъ, при всѣхъ картачахъ и гранатахъ, было видѣти ꙗкъ то ꙗ, бѹдѹчи еще молодцемъ козломъ отъ хаты ажь до стодолы перевертался, или позднѣйше моею веселостію всѣхъ оглѹшалъ! А ꙗкъ помнѹ и ты была прежде всегда живою, и нерazъ, ꙗкъ до васъ пріѣзжалъ ꙗ моею сивою шкапою, то ты, оузрѣвши мене гетъ далеко подъ лѣскомъ, бѣгласъ скакаючи и хохотаючись радостно на встрѣчѹ къ стрыю-голіатѹ!"

— „Та щожь дѣлати! такъ сталось! времена измѣнилисѧ, — а всѣ мои надѣи солодки сны и оутѣхи оукрылисъ съ моимъ дорогоцѣннѣйшимъ сокровищемъ — въ гробѣ. Но ꙗ теперь оуже освоиласъ съ моею сѹдьбою, и начинаю веселою быти, и возспѣваю по моимъ обыкновенію хорошіи дѹмки" . . . сказала дѣвица солодко-печально оусмѣхаючись, и цѣлѹючи рѹкѹ старика.

„Го! Го! нынѣ розвеселишьсѧ довольно! На нынѣшное полдне зазвалъ насъ Панъ-отецъ до себе праздника ради; пойдемъ всѣ и даже нашь соседъ, оучтивый лѣсничій съ своею родиною. А бѹдетъ тамъ, кажетсѧ, и череватый, смѣшный коморникъ съ своею писклѧвою женою и съ дочерями. Но о семъ потомъ! — теперь должны мы пріѹготовитись на Оутреню. Но есть-ли готова мати?"

Въ томъ озвалсѧ голосъ звона церковного — призывающій вѣрныхъ до Храма Божого! — Таинственныи его звѹки розлилисъ по всей окрестности, оглашающіи праздникъ св. Іоанна.

Се вошла въ свѣтлицѹ и мати свѧточно одѣта, — пріѹготовленна до посѣщенѧ церкви. По сердечномъ поздоровленью Бориса, и по короткомъ розговорѣ взѧлисъ ити на Оутреню.

А звонъ еще гомонилъ, — и ктожь есть въ состоѧнію его скатомѹ голосѹ противитсѧ? . . . Каждый спѣшитсѧ въ свѧтыню, щобъ Богѹ достойнѹю честь отдати, изъвѧтно що гдесь тамъ ꙗкійсь-то ровнодѹшный и затвердѣлый грѣшникъ на лавцѣ дома дремаетъ, или положив шисѧ въ стодолѣ животомъ до горы

о нынѣшномъ обѣдѣ и горѣлцѣ фантазуетъ.

А звонъ еще нѣсколько разы озвался, и оумолкъ!

Святыи и таинственныи звуки звона церковного! Сколь многоважна есть ваша бесѣда! Тутъ кличете народъ до святыни и ликуете надъ ново рожденными и браковѣнчанными, тамъ рыдаете надъ громомъ свѣжо выкопаннымъ; тутъ возсылаете благодаренїе людей къ Всевишному за полученное добро, тамъ тогнаете тажко при всенуючихся пламенахъ страшенного пожара!

Наполнялась оуже церковь правовѣрными, ожидающими начала святого чина. Оуже приближался и Борисъ съ вдовицею и Анною до горба носящого святыню, — и вышедши на хребетъ тогожь, остановилась Анна на малое время, щобъ придивитися чудесно розвивающойся картинѣ: Тутъ оу подножїя горы крутился Днѣстеръ и зарывался тихенькою, но вредливою струею въ нѣдро опасного берега, дальше оживляли оустеленну изобильными травами долину стада тучной скотины, тамъ почивали многочисленныи сплавы, превязанны разомъ съ челнами до берега, — на югъ-же простиралисъ въ безмѣрную даль пола, пестро оукрашенны дозрѣвающимъ житомъ,... за ними села и села, опирающїися о синїи величественныи Карпаты, которыи въ меланхолической лѣпотѣ любопытное око плѣняли, зачѣмъ на противной сторонѣ, на сѣверъ — безпрерывныи, лѣсами осѣненны горбы возносились. Красна была-то картина, чудесное оутро, въ которомъ, мовь въ якомъ прозрачномъ зеркалѣ оутренна жизнь молодой Ганусі отражалась!..

Вотъ идетъ оуже Ганусѧ до церкви, котора будучи столѣтною, якъ тая прабабка на передъ склонилась. Соломенныи снопки окрывали диры нѣкогда гонтового даху, изъ егоже отверстїй молодыи воробцы нелаекаво чиркали. А внутри, въ самомъ храмѣ божомъ нѣтъ большого лада якъ въ его наружности. Старыи образы, оуставлены на Иконостасѣ являли между иными св. Николая, оукрашенного на шїѣ кораллами ведля простонародного обласного воображенїя, на стѣнѣ-же розвивался цѣлый рядъ нестройныхъ образцевъ, представляючихъ сцены изъ ветхого завѣта, и страшныи муки послѣдного суда. И такъ было надъ крылосомъ изображенїе, якъ патрїархъ Авраамъ до своего сына изъ ружья стрѣляетъ, но Ангелъ препятствуетъ сему чину, изливаючи воду изъ чаши на смертноносную стрѣльбу, — а надъ дверьми входовыми мучитъ розличнымъ способомъ дїаволъ таскающихъ за собою бочку смолы.

Въ тяжкихъ и помраченныхъ невѣжествомъ временахъ нашого народа, оустроялися такїи церкви, но съ розвалинами тѣхже изчезли и тїи печальныи воображенїя безсилїя народного, и велелѣпно созидаются новыи святыни!

Началась Оутреня, отправляема здѣшнимъ новонаставленнымъ приходникомъ, можемъ въ силѣ вѣка сущимъ, зачѣмъ пятьдесятилѣтный Порфирїй, дякъ сельскїй въ крылосѣ, обложенъ всѣми книгами, спѣвалъ. — А народъ толпится безпрестанно въ взмагающомся числѣ, бо даже изъ сосѣдныхъ селъ спѣшатъ правовѣрныи на праздникъ; оуже нѣтъ мѣста въ маленькой церкви ни на одну дитину, и якъ рой розлягся народъ по цѣлой церковной огородѣ.

Вотъ пришелъ оуже на службу божую сивенькїй якъ голубъ їерей, пастырь по-

близкого села; оуже наполнилсѧ крылосъ дьѧками и дьѧчками; оуже повынимали всѣ окна оудꙋшливого воздꙋха ради,... въ томъ зазвонили три разы на Свѧщеннодѣйствїе! — Старый Порфирїй рвалсѧ съ голосомъ що силы, не даючи преимꙋщества ни сосѣдномꙋ дьѧкови, краснымъ сопраномъ спѣвающомꙋ, ни оуконченномꙋ Богословꙋ вѣденьскомꙋ, братꙋ тамошного приходника, но самъ взбикалсѧ на передъ мовь ꙗкїй жаворонокъ. Даже и Їоанъ, оупомѧнꙋтый Богословъ, прїѣхавшїй минꙋвшой жатвы съ Вѣднѧ, имѣлъ хорошїй басъ, хотѧ поврежденъ высокопарнымъ схоластическимъ воздꙋхомъ.

Пришло до водосвѧтїѧ, а цѣлое собранїе выстꙋпило изъ церкви съ Панъ-отцемъ на прилежащое древное кладбище, и силось съ народомъ на дворѣ молѧщимсѧ. Но тꙋтъ пѣнїе дьѧковь было майже оглꙋшенное шептаньемъ поздоровлѧющихсѧ и цѣлꙋющихсѧ селѧновъ тамошнихъ и сосѣдныхъ. Надармо напоминалъ Панъ-отецъ до спокойства и оучастїѧ въ молитвѣ, надармо извлекалъ Порфирїй всѣ свои канторскїи силы, — „таже то на дворѣ дѣетсѧ, а не въ церкви,“ дꙋмали собѣ нѣкоторыи легкодꙋшныи люди, и ꙗкбы въ примиренїе Бога спѣвалъ дьѧкъ: „Пресвѧтаѧ Богородице! — моли о насъ грѣшныхъ!“ — Вже и оукончилсѧ свѧтый чинъ и оумывшисѧ освѧщенною водою, зачали нѣкоторыи розходитись.

„А кꙋме Иване! та гдежь идете, кꙋме Петре?“ скричалъ одинъ богатый сельскїй газда,-та не оминайте мене; прошꙋ, прошꙋ до мене на прикꙋскꙋ!“

„Та гдежь! не возможно кꙋмонькꙋ! та щожто-бы дома дѣѧлось; вотъ сестра лежитъ слаба, и скотинꙋ не ма комꙋ доглѧнꙋти, — а ꙗ пришелъ только Богꙋ помолитись, и нꙋжно заразъ назадъ вертати!“

Далсѧ ꙗкось намовити кꙋмъ Иванъ, и Петро посѣтити своего знаемого, и можно было видѣти ꙗкъ на дрꙋгїй день вечеромъ Иванъ въ доброй воли домовъ повертал, — до слабой сестры и до бѣдной скотины.

II.

Возворощаетсѧ и нашь Борисъ съ своими клїентами до оугольной хатины, а съ нимъ идетъ и панъ лѣсничїй съ женою, двома дочками и сыномъ. Красна Елина и весела Марина были отъ давна истинными подрꙋжками Анны, и можно сказати, даже отъ колыбели не отлꙋчаласѧ одна отъ дрꙋгой. Анна и Елина были ровесницами, а хотѧ Елина не была одаренна природою толикима прелестьми ꙗкъ Анна, однакожь и она была хорошою; 13 лѣтна-же Марина имѣла лице съ правильными чертами. Въ веселости никто ей не выровнивалъ — всегда имѣючи сїѧющоелице видѣла она божїй мїръ только въ цвѣтꙋщомъ образѣ. Ей братъ Стефанъ, любимецъ отца, имѣлъ 20 лѣтъ. Въ чорныхъ его очахъ сверкалъ огень бодрой юности и той необыкновенной рѣшительности, котора такъ въ добрыхъ, ꙗкъ и легкомысленныхъ намѣреньѧхъ ꙗвлѧетсѧ. Бꙋдꙋчи еще хлопчакомъ, бавилсѧ малый Стефанъ по цѣлыхъ днѧхъ съ нѣжненькою Ганꙋсею, и оумѣлъ и малѣйшое желанье сердца ей оугадати, — такъ, що Ганꙋсѧ не оутꙋлѧлась съ жалости, если нѣсколько дней черезъ ꙗкое злоприключенье отъ Стефанка отдѣленною была. И теперь видѣла въ немъ Ганꙋсѧ своего доброжелательного дрꙋга, но таѧ привѧзанность дѣточна оуступила свѧтомꙋ пламени волнꙋющомꙋсѧ, съ тꙋгою въ сердци дѣвицы, а коли Стефан-

ко только на нѣкꙋ хвилю свой взоръ розжаренный въ Ганꙋсю клѣпилъ, то она покраснѣла ѩкъ таѧ зоренька на небесномъ сводѣ, и опꙋстила очи къ землѣ. (П. с.)

ОДꙖѦ И ОꙖЗЫ

(Путешествіе въ Сагару.)

(Продолженье)

Когда бисꙋрмане Триполемъ завладѣли, занѧли край такимъ самымъ до крихты дѣломъ, ѩкъ кажетсѧ въ байцѣ о томъ пꙋтешественникꙋ, который пожеръ оустрицꙋ, въ спорѣ межи двома запозывающими сѧ. Триполи изтребленне было двома партїѧми, розпочавшими сердительнꙋ войнꙋ междꙋ собою. Такъ великое было оупрямство ратꙋющихъ, що дабы войнꙋ въ часѣ такъ великой нꙋжды могли продолжати всѣ дорогоцѣнности свои продавали, за четвертꙋ пайкꙋ ихъ истинной токмы. Ины запозычивали значительны сꙋммы на 500 процентꙋ. Оттоманское правительство занѧло про тое край совершенно изтребленный, но когда ономꙋ не множко залежало на оузысканью области, больше-же на средствахъ, ѩкими изчерпанное сокровище Царьгородское далобы навершитисѧ, тожь и новое покоренїе не былобы имъ въ оудовольствїе, кобъ не отворила сѧ была имъ пꙋть тѣмъ дѣломъ до корыстонадежныхъ трїꙋмфовъ. Бисꙋрмане зверн8ли прибачность свою на Гадамесъ. Городъ тотъ въ самомъ серцꙋ Сагары лежащїй и свѧтымъ почитанный, не зазналъ кровавыхъ мѧтежей, ѩкїи окрестность изтреблѧли. Искано предлога по ѩкомъ возможно былобы новымъ тѣмъ рꙋдоноснымъ жереломъ завладѣти; дабы порожнꙋю кассꙋ баши навершити. „Жители города Гадамесъ сꙋть вороховники" изрекъ одной днины депꙋтатъ высокой порты; „они сходствовалисѧ съ Ꙗрабами, съ которыми не давно мы воевали; они насъ въ борьбѣ нашой не покрѣплѧли: поведенїе тое оудостоикаетсѧ кары. Такїи принꙋки оупотреблѧемы всегда заможнѣйшими сопротивъ слабшихъ кидѣлись сголоднѣлымъ дворѧнамъ баши довольѣ оубѣдительными быти; наложено великꙋю дачь на городъ Гадамесъ на 50,000 магбꙋковъ.* Послѣ того слѣдовали новыи налоги такъ, що жители загаломъ съ оужасилисѧ. Въ сопроводѣ женъ и дѣтей своихъ, ставились они передъ намѣстникомъ и бьючи поклоны произвели просьбꙋ, дабы не отнималъ хлѣба имъ и дѣтѧмъ ихъ. На просьбꙋ тꙋю оулегшено имъ на видъ, но натомѣсть, когда Рихардсонъ прибилъ въ Гадамесъ, такъ жестокꙋю дачь наложено, що даже черезъ два дни изъ обиталищь своихъ жители не выходили и насꙋщною працею не занималисѧ. Такожде и обыкновенна дачка изчерпала такъ ихъ засобы, що за цѣлыи два мѣсѧцы остались должными. Намѣстникъ представлѧлъ башѣ частѣйше злосостоѧнїе тое, но баша отвѣтовалъ всегда: „Мнѣ треба грошеи."

Такъ газдꙋютъ бисꙋрманскїи чиновники по областѧхъ африканскихъ. Бѣдный тотъ край где трꙋды человѣческїи столько перепонъ поборывати должны, где опасности въ торговныхъ сношенїѧхъ сꙋть такъ великїи, а корысти поскꙋдныи: бѣдный тотъ край статсѧ дерꙋнамъ жереломъ вызыскиванїй. Есть то очень безрозꙋмнаѧ политика, дрꙋлѧюща государство въ ѩвнꙋ погибель. Въ цвѣтꙋщомъ прежде такъ городѣ ѩкъ былъ Гадамесъ, нищота и нꙋжда те-

* Одинъ магбꙋкъ имѣетъ не больше ѩкъ 1 тал 10 ср дꙋтк, прꙋсскихъ.

перь есть великою. Небавкомъ, а не буде҃тъ имѣти бисурманьское правительство щообдирати. Но должно признати въ одномъ взглядѣщо оно и въ пользу краю того где нещо дѣлало. Такъ на примѣръ сносительныи дороги между оазами помножили ся и обезопасились. Розбойники наблюданы суть патролею. Араковє, заселяющіи часть области между Триполисъ а Гадамесъ были въ попередъ розбойниками; порта сдѣлали изъ нихъ жандармовъ въ охорону каравaнъ.

Помня тїи грошевыи вызыскиванья, оттоманьске правительство кажется быти въ тѣмъ городѣ благотворное и печаливое. Никогда не появляются тамъ кровавыи казненїя. Городъ имѣетъ собственныхъ судїй, но жителямъ призволено въ случаю неудовольствїя переносити дѣло къ розрѣшенїю намѣстника. Патрїархалнымъ способомъ розсуждаетъ тотъ всѣ жалобы; госп. Рихардсонъ подаетъ намъ понятїе о безпристрастїю его оповѣдаючи слѣдующїй случай. Одной днины приведено Араба велкта не хлопа, съ тѣмъ ужалѣньемъ, що онъ побилъ дитину на гостинци. Намѣстникъ пресвѣдченный отъ слезъ даже самой дитины, велѣлъ Аракови ублякнути, а дитинѣ одержанны отъ него удары отдати. Не нагадуючись долго подвигнулъ хлопакъ свою малую руку и дакши корогови своему пять или шесть заушницъ побѣгъ що силы, когда всѣ начали сердечно смѣятися. Съ удовольствїемъ затираючи руки, озвался намѣстникъ обернувшись къ Англичанину. „Вотъ и такимъ то дѣломъ совершается у насъ правосудїе."

Гадамесъ есть то древнїй городъ. Девятнадцатого року передъ христїяньскою ерою кажется занятый былъ онъ Корнилїемъ Бальбусомъ. Римляне кажется построили тїи крѣпости, ихъ же розвалины стрѣчаются теперь въ окрестности. Гадамесъ созданъ есть середъ лѣса изъ финикового дерева (Dattelbaum) ко около горячого жерела произтекаючого изъ земли. Складается онъ изъ темныхъ муровъ. Пуличныи мѣстца окрашаютъ вѣтви и многочисленныи терассы, по которыхъ женщины прохажаются. Лѣнивыи жители сходятся по такихъ то мѣстцахъ, засѣдаючи по каменныхъ лавицахъ; тамъ отправляются всѣ ежедневныи дѣла: Кади розрѣшаетъ тамъ своимъ судомъ, купецъ заходитъ въ торговныи сношенїя, даже прїятели прїймаютъ тамъ своихъ прїятелей и забавляютъ ихъ ежедневными новинами.

Строенье домовъ на три до чотырохъ поверховъ высокихъ, не есть въ чисто мавритскомъ стилю. Во обще нѣтъ по домахъ свѣтлицъ на долинѣ; каменными сходами входится въ салю, окружену малыми свѣтличками, где часто и мычанье барановъ учути можна, которыхъ молокомъ жители пропитуются. Родины обитаютъ въ повыжшихъ поверхахъ, а горячими ночами переносятся даже и на кровлю (дахъ) снаряженну нарочно до такого ночованья. Когда Рихардсонъ посѣтилъ одного жителя, жена тогожь по тотъ часъ утекла и заперлась въ коморѣ; инымже временемъ когда онъ въ тотъ самъ домъ войшолъ въ неприсутствїю мужа, жена и не гадала трусливо утекати, но вийшовши сопротивъ него, поскликовала и сосѣдъ, дабы обачили христїянина.

Была то перша стацїя Рихардсона въ Гадамесъ послѣ отшествїя изъ Триполисъ. Оттуда пойшолъ онъ въ Гатъ, дабы

по возможности достатися въ Суданъ. Отдаленіе между Гадамесъ а Гатомъ занимаетъ 20 дней путешествія черезъ одаю. Со страхомъ пускался англичанинъ въ городъ тотъ, заселеный оужасными Тварриканами. Тварикане, занимающіи цѣлую южную простран Сагары, суть истинною перепоною европейцамъ къ приступу въ богатыи краи середной Африки. Не знаютъ они ни земледѣльства ни индустріи; яко побожныи мугамедане ненавидятъ особенно христіанъ. Тому то дуже труднымъ дѣломъ есть, достатись черезъ нужденный грабежный тотъ народъ въ Суданъ, и не одинъ путешественникъ пострадалъ жизнь свою, если былъ такъ безрозумный повеличатись передъ ними европейскими произведеніями.

Народъ Твариканов розпадается на двѣ враждуючи между собою галузы, розличныи по обычаяхъ и видѣ правительственномъ. Тварикане въ Гатѣ суть приступнѣйшими отъ тѣхже на западной части. Первыи занимаютъ путь между Триполисъ а Суданомъ, которую частѣйше вже навѣщали англичане; вторыи занимаютъ путь между Алгиремъ а Сенегалемъ, которовь пройти никому доселѣ еще не посчастилося, хотяй французы часто вже скушались.

Тваричане въ Гатѣ оукрѣпилися въ видѣ аристократичной републики, не знаютъ они ніякого иного ремесла кромъ ратного. По сельскихъ областьяхъ розпростираетъ каждый свое шатро или ставитъ хижу и господствуючи самовольно надъ родиною своею та надъ невольниками живетъ майже патріархально, не знаючи верхокной власти изъятно въ общенародныхъ отношеніяхъ. Суть они обыкновенно великанськой поставы и крѣпости, неюже независимость свою особенно защищаютъ.

Если розпочнется война, каждый шейкъ или шляхтичь поменьшой ранги, подвергается повелѣніямъ шейка первой клясы, тотже зависитъ отъ Султана или Шейк-Кебира. Тварикане до 10,000 ратныхъ силъ присбирати могутъ, по чемъ число всѣхъ жителей до 60,000 душь заключало бы. Зброя ихъ складается изъ ножа висящого при лѣвомъ боцѣ на ремени, изъ сабли перевѣшенной на окрестъ и спѣсы. Имѣютъ они такожде и копія (Wurfspieße) но изъ аравскихъ ручницъ наругаются мовлячи: „Що за дѣло совершитъ ручница сопротивъ меча?" Що до звѣрятъ оупотребляемыхъ ними до ѣзды, есть такъ зовимый Магри нѣкій родъ верблюдовъ. Тварикане вправляютъ звѣря тое такъ въ скорости, якъ и до ратныхъ предпринятій. Есть то звѣря полне огню и крѣпкости.

Ѣдучи на такомъ то Магри оусnадобленномъ розличновь барковь и видомъ полѣ оуподобы каждого окремого, пускается Тварриканинъ въ борьбу, не страхаючись ничого кромъ Бога и діавола. По цѣлыхъ днахъ тыжднахъ, ба и мѣсяцахъ гонитъ часто ворога своего, а не разъ семъ дней безъ кормли и безъ воды перебудетъ, доколь не погибнутъ или исчезнутъ вороги що до одного. Во прочемъ поститъ онъ обыкновенно одинъ день по другомъ, помня що физичное совершенство, сдѣлалобы его великаномъ въ Европѣ.

На одномъ изъ публичныхъ мѣстцъ, суть лавки накладенны постепенно по рядамъ одни на други. На тѣхъ то лавкахъ засѣдаютъ Тварикане каждого вечера, закимъ лягаютъ спати. Сидятъ они тѣсно одинъ при другомъ, якъ Милтона духи въ пандемоніи. Спѣсы застромляютъ въ пѣсокъ,

дабы при рѹцѣ были, чи то до борьбы, чи до ратныхъ игрaшокъ. „Часто прохажалъ ємѹ ся по при тотъ лѣсъ изъ спѣсъ, и никогда немогъ опертись страханію, смотря на тіи чорныи фигѹры таинственныхъ лицъ, въ молчанію и неподвижимости сѣдащіи. Но когда найменшій клекотъ дастъ чѹтися въ мѣстѣ, сей часъ дико кидаются до зброи. Послѣ ѹтихомиренья клекотѹ, молкнѹтъ и сидятъ сновь въ неподвижимости. Во обще по всѣхъ областяхъ заселенныхъ барбаресками, повольность въ движеньяхъ, есть знаменемъ благородности.

(П. с.)

О вліянію довѣрительности на службу и точное совершенье обовязковъ.

Майже въ каждомъ товаришествѣ высшого сословія, при найменьшой случайности, когда лишь люди срѣтятся, производятся безкон ныи ужалѣнья на безсовѣтность, лихоту и нужденность служницъ и наймитовъ. Есть то обыкновенна, насущна еремiяда, котора даже верхъ слуховъ льется, безпрерывно повтаряется, та нiякимъ свѣтомъ доселѣ заглатися не можетъ. Наймиты и наймички, суть то естества нещирыи, зложелающіи, суть крайнымъ словомъ сказавши вороги наемниковъ своихъ. И воистину! не безъ принуки ужаляются всѣ тiи госпожи на свои слуги. Заходитъ туть вопросъ: отъ чого производитъ и розпространяется зло тое такъ не изтребимое? Люди марикуютъ собѣ, ганьблятъ, жалятся, но якъ тому дѣлу зарадити — не знаютъ. Зло производится зломъ, хотяй несмотрѣющому глубше, оно во добрымъ начало свое имѣти видится. Послѣдное мнѣніе производится не точнымъ понятіемъ доброго; но въ тое намъ не запускатися.

Найголовнѣйшимъ порокомъ общества домашного въ теперѣшномъ времени, есть недовѣрительность одного къ другому, злоусмотриванье одного въ другомъ. Господаръ прiймаетъ наймита или наймичку въ службу, и есть вже на передъ пресвѣдченный, що тотъ его новый слуга долженъ быти злодѣй, нероба, конецъ лихимъ, нещирымъ человѣкомъ. Тому то берегутъ ихъ якъ могутъ, надзираючи каждый ихъ крокъ и стараючись осунити всякій случай, которото тоті безсовѣстныи лица съ оскорбою ихъ употребити моглибы.

Чути можь не разъ всегда та всюда, когда прійдется слугу до комнры или где инде за чимсь послати: „А пошла она или онъ за невь или за нимъ, дабы що не украла либо не укралъ." Паны пренебригаютъ загаломъ осторожность тую безъ розличія, чи служащое лице дало, или нѣтъ ктому причину, т. е. недовѣряютъ имъ. Недовѣрительность тая есть най такъ скажу слѣдствіемъ пессимисму вкорыняющого ся чемъ разъ глубше а глубше въ умъ современниковъ нашихъ. Можетли пытаюсь въ человѣку такомъ, которому и за шпильку недовѣряется, благородное чувство достоинства морального произвести ся? Каждый человѣкъ, помня совершенно сопсованного, не привыкъ о собѣ лихо думати; противо склонность къ благому, достойному званія яко человѣкъ, каждому дана есть въ самомже первоначалѣ. Но если мы, не зважаючи на благосклонности, лишь злы въ немъ усмотриваемъ, понизаемъ его тѣмъ въ очахъ самого-себе, подражняемъ похоти, и онъ якъ бы на укоръ предается злодѣянію. Тому то не дивъ, що если якого будь роду слугу, горьше скотины стережется, тойже такъ строго стереженный, ожидаетъ хотьбы и найменьшой хвильки, дабы приневѣритись обовязкамъ службы своей. Потомъ недовѣряючи другимъ, должны есьмы самыи злы быти; а мѣсто отводити накланяемъ очевидно тѣмъ больще завислыхъ отъ насъ къ злому.

(к. с.)

Списъ предплатителей на Зорю Галицкую того г. (продолженье).

Благ. братья. Еленъ въ Перемышлѣ
Достоп. общ. ОО. Василіанъ въ Дрогобичи
Пр. госп. Гапановичь прих. зъ Воробловки
Его преп. госп. Барвинскій крылош. въ Львовѣ
Пр. госп. Бохенскій нам. въ Збаражѣ.

(п. с.)

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.